

Белорусская государственность: истоки и формы

Николай СМЕХОВИЧ,
кандидат исторических
наук, доцент

Осмысление истории белорусской государственности вызвало острую полемику специалистов и общественности в 1991–2010 годах. Предметом дискуссий стал вопрос периодизации политической истории Беларуси. И хотя в спорах, вопреки расхожему утверждению, истина не рождается, но они помогают отыскать пути к ней. В 2011–2012 годах на полках библиотек и книжных магазинов появились новые монографии по истории нашей Родины. Что же предложили отечественные историки своему читателю?

Из глубины веков

Одной из центральных проблем исторической науки Беларуси, России, Украины является изучение формирования государственности на территории восточных славян. Недостаточный массив письменных источников длительное время не позволял внести ясность в некоторые летописные данные. В то же время аргументированная критика летописного материала, составленного много позднее описываемых событий VIII–IX веков, оставляла место для столкновения порой противоположных точек зрения.

В недатированной части «Повести временных лет» говорится, что в процессе

освоения новых территорий восточные славяне построили города Новгород, Полоцк, Изборск и другие. Расселение славянских племен сопровождалось политической самоорганизацией – каждое племя держало княжение. Княжения были у полян, древлян, дреговичей, новгородских славян, полоцких кривичей, радимичей. В частности, благодаря новейшим археологическим исследованиям, было установлено, что «Полоцк, будучи племенным центром, перерос в раннегосударственный на той же основе (городище + посад). Как и в Новгороде, княжеская резиденция в Полоцке длительное время занимала городище (до начала XIV века)» [1, с. 25]. Организация политической власти была необходимостью. «Чтобы закрепить свою власть над местным населением, кривичи должны были иметь определенную социальную организацию. Такой организацией было **княжение полочан**, а Полоцк – центром управления подвластной территорией» [1, с. 26]. Отмечу – к настоящему времени у нас нет письменных источников, характеризующих политическую составляющую этого княжения.

Держали княжения родоплеменные вожди. Источником их власти были вековые обычаи, законы и нравы, соблюдавшиеся «как предание отцов». При этом каждое племенное объединение свои обычаи и законы считало правильными и хорошими, а обычаи и нравы своих соседей – неправильными и плохими. Варяги, взымавшие дань (859 год) с чуди, мери, новгородских

ОБ АВТОРЕ

СМЕХОВИЧ Николай Владимирович.

Родился в 1952 году в д. Дивин Кобринского района Брестской области. Окончил исторический факультет Минского государственного педагогического института имени А.М. Горького (1974).

В 1974–1977 годах работал директором неполной средней школы в Пуховичском районе Минской области. В 1977–1980 годах – учитель истории в школах города Минска. С 1987 по 2002 год – ассистент, старший преподаватель, доцент БГПУ имени М. Танка. В 2002–2005 годах – доцент кафедр гуманитарных дисциплин, политологии Института парламентаризма и предпринимательства. С 2005 года – в Институте истории НАН Беларуси, заведующий Центром истории индустриального общества.

Кандидат исторических наук (1992), доцент (1995).

Автор более 100 научных работ, в том числе 6 монографий (5 в соавторстве).

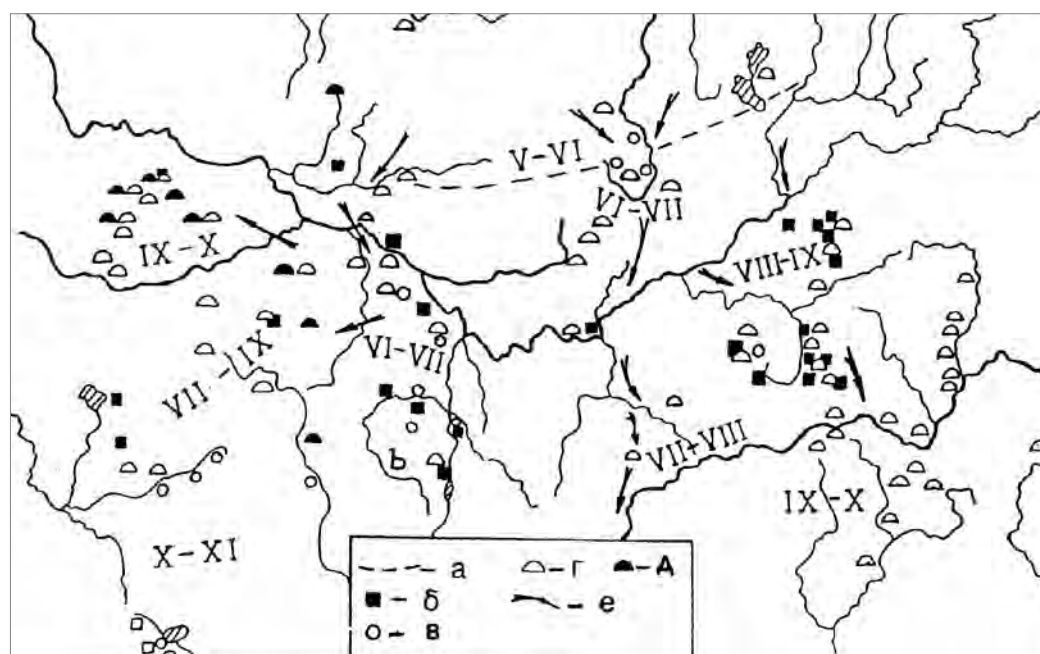
Сфера научных интересов: история белорусской государственности, социально-политическая история Беларуси конца XVIII – начала XXI века, теоретико-методологические проблемы исторического познания

славян, всех кривичей, препятствовали политическому противоборству и межплеменным войнам, что являлось важным внешнеполитическим фактором объединительных тенденций.

Но в 862 году новгородцы и полочане-кривичи стали свободными («начали сами собой владеть»). Вскоре возникли споры по вопросу о лидерстве. В условиях, когда, по определению летописи, как новгородцы, так и полочане «сами себе устанавливали законы» [2, с. 129], быстро найти «правду», т.е. общее согласие, было очень трудно. В результате началась междоусобица: «и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом» [2, с. 131]. В этих войнах не было победителей и побежденных, проигрывали обе стороны. Осознание надвигающейся катастрофы подтолкнуло к поиску компромисса. На верховное правление новгородские славяне и кривичи призвали (избрали) варяжских князей. Отметим, что в делегации, посланной к варягам, представителей других славянских племен не было.

После призвания Рюрик основал династию в Новгороде, а в Полоцке начал править его приближенный, упомянутый в летописи как «тот муж», «не родственник его, но боярин». Как долго правил этот безымянный летописный муж и на какую варяжскую дружину при этом опирался – неизвестно.

Археологические исследования О. Левко позволили определить границы формирования Полоцкой волости. Научные разработки Д. Дука, положенные в основу его докторской диссертации, дали возможность сделать вывод о том, что «на раннем этапе (конец VIII – X в.) Полоцк был племенным центром населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов – летописных кривичей... В отличие от ранних поселенческих структур Ладоги и Новгорода (Рюрикова городища), население со Скандинавии не оказало существенного влияния на процесс формирования социальной и топографической структуры начального Полоцка (конец VIII – X в.)» [3, с. 359]. Другими словами, научные исследования белорусских археологов не предоставляют убедительных доказательств в пользу норманской теории. До сих пор в Полоцке не найдено артефактов скандинавского происхождения. Получается, если в Полоцке после 862 года на территории городища и жила варяжская знать, то ее этническое обличье (язык, предметы вооружения, роскоши, быта и т.п.) не имело коренного отличия от таких же предметов кривичско-славянского происхождения. Вместе с тем, на наш взгляд, отмеченные археологические разработки не опровергают политического содержания летописных известий: самого факта призвания варяжских правителей и их нахождения в По-

◀ Расселение кривичей в Днепровском междуречье (VI – XI вв.): а – южная граница псковских кривичей в V – VI вв.; б, в – поселения (селища и городища) банцеровской, тушемлинской культур в последней четверти I тысячелетия н.э.; г – могильники культуры длинных курганов; д – курганы с труположениями в X – XI вв. и лепной керамикой; е – направления движения кривичей (по В.В. Енукову, О.Н. Левко)

лоцке. Однако уместным будет замечание: некоторые белорусские историки стремятся доказать, что полоцкие кривичи дани варягам не платили и своих представителей к ним в 862 году не посылали. Автор данной статьи не разделяет эту версию.

После того как новгородцы и полочане приняли пришлую элиту, политическое правление как в Новгороде, так и в Полоцке было упорядочено. События 862 года засвидетельствовали, что источником власти и в Новгороде, и в Полоцке, и у других кривичей была соборная (вечевая) воля народа. Это дает возможность сделать вывод относительно сути общеславянской объединяющей идеи, которая, через столетия, стала называться национальной. Ее содержание, на наш взгляд, заключалось в единстве народа и власти.

Это было основой процесса исторической самоорганизации восточных славян. И не только кривичей, дреговичей и радимичей, но и вятичей, древлян, полян и др. Именно самоорганизация дала возможность народу выступить в качестве источника власти и носителя суверенитета. После 862 года новгородцы и полочане сохранили свой вечевой источник власти, но утратили возможность быть носителями суверенитета. Это право перешло к княжеским династиям. Через 20 лет, в 882 году, Олег захватил Киев. Территория, подвластная династии Рюриковичей, значительно расширилась.

Заканчивая краткий разговор о далеких летописных событиях, необходимо сказать следующее. Суть дела, на наш взгляд, состоит не в том, чтобы «отрицать» или «признавать» факт призвания варягов. И даже не в том, каких этнических кровей они были. Основной вывод заключается в том, что полоцкие и новгородские славяне считали, что у них уже есть свои государственные образования в форме княжений. А вот организация высшей политической власти и способность местной элиты к управлению, установлению твердой власти, по их мнению, не отвечала требованиям времени. К концу IX века она была построена на основе родоплеменных обычаев, т.е. клановости, в тесном переплетении и влиянии родственных связей, которые разжигали взаимную вражду. К этому моменту данные формы управления изжили себя и стали не только препятствием, но и реальной угрозой на пути дальнейшего существования раннефеодального общества.

Особенно в условиях, когда восточных славян со всех сторон окружали враждебные государства. Прибытие варягов не было и не могло быть актом, направленным на создание государственности. Это был поиск политической опоры и способа сплочения правящей этнополитической элиты для успешного управления и защиты общества. Но не первый и не единственный исторический прецедент. Например, в четвертой книге «Истории» Тацит устами полководца Цериала говорит восставшим галлам: «Римские полководцы и императоры вступили в земли, принадлежавшие вам и другим галлам, не из алчности, а по просьбе ваших предков, едва не погибших от междоусобных войн» [4, с. 137].

История и национальный фактор

Конституция Республики Беларусь, провозгласив, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства», а условием достижения этой цели является принцип взаимной ответственности государства перед гражданином, а гражданина перед государством (ст. 2), засвидетельствовала, что в нашей стране утвердилась концепция общества-государства.

Краеугольным камнем политической организации общества является демократия, которая «осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» (ст. 4).

Это значит, что белорусское общество ориентируется на утверждение и развитие социального мира и согласия в обществе как необходимое условие эволюционно-исторического развития. Поэтому белорусское государство не может существовать и развиваться «без идеологии собственной государственности, которая составляет фундамент его внутреннего единства и целостности» [5, с. 502]. По указанным причинам в Республике Беларусь все, что связано с такими понятиями, как нация и государство, в том числе и национализм, объективно воспринимается общественным мнением как социальный негатив, направленный на

раскол, «разрыхление» не только общества, но и государства.

Проблема государственности обострилась после того, как завершилась история СССР и независимые государства начали ориентироваться на национально-государственные концепции истории развития своих народов. И если в монографиях, научных исследованиях диссертационного типа по истории СССР до 1991 года шла речь о формировании общего для восточных славян государства – Киевской Руси (Древнерусского государства), то после распада СССР белорусские, российские, украинские историки начали вести поиск истоков национальной государственности. Российские ученые первыми коснулись этой тематики.

В 1992 году И. Фроянов издал монографию «Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия». В очерке первом «У истоков новгородской государственности» он высказал гипотетическое предположение, что отсутствие какого-либо одного атрибутного свойства, характерного для определения «государство», указывает на незавершенность процесса складывания государства и позволяет заключить только об элементах государственности [6, с. 21].

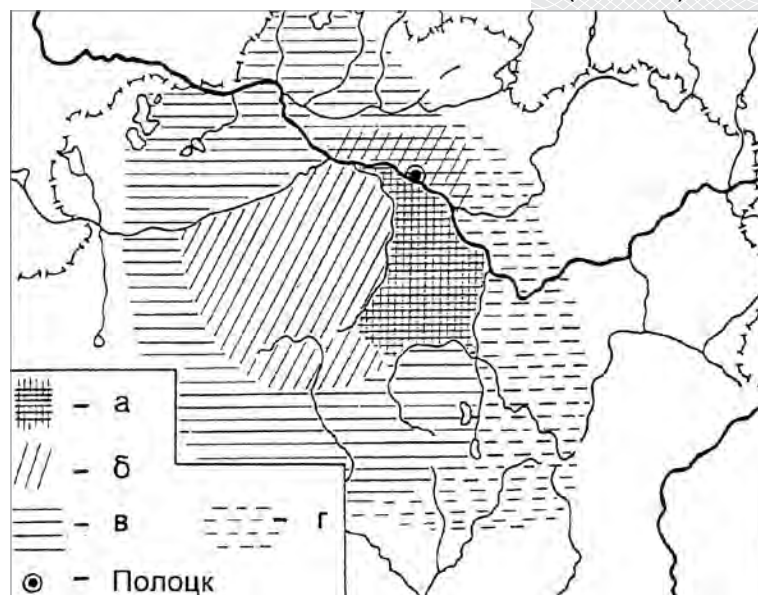
На это предположение обратили внимание белорусские исследователи. В первой части научно-популярного издания «Нарысы гісторыі Беларусі», рекомендованного для студентов вузов, сотрудники Института истории АН Беларуси Г. Штыхов и Т. Коробушкина также высказали предположение, что «Полоцкое княжество – исток белорусской государственности» [7, с. 92]. В. Малиновский в учебном пособии отметил, что Великое Княжество Литовское (ВКЛ) с середины XIII и до конца XIV века было «литовско-белорусским государством», а с 50-х годов XIV века «оно превратилось в белорусско-литовское, а потом в полиэтническое государство» [8, с. 71].

Такие (или близкие к ним) предположения присущи и другим белорусским историкам. «Первые раннефеодальные княжества в Беларуси являются истоком ее государственности, воплощением идеи независимости пробелорусского этноса. Раньше и наиболее последовательно эта идея просматривается в Полоцком княжестве», – считает кандидат

исторических наук, доцент Белгосуниверситета В. Сосна [9, с. 99]. «Большинство современных исследователей ищут истоки государственности Беларуси во времена Великого Княжества Литовского, Русского и Жемойтского (вторая половина XIII – XVIII век) или еще раньше – в период Полоцкого княжества», – отмечает кандидат исторических наук, доцент Белорусского государственного педагогического университета А. Ратько [10, с. 95]. В таком русле по поводу Полоцкого княжества начал писать еще в середине XIX века О. Турчинович, а позднее М. Довнар-Запольский, В. Игнатовский. Последний часто называл ВКЛ «княжеством Литовско-Белорусским». Как отмечает И. Марзалюк, трактовка истории Полоцкой земли в категориях белорусского государства была создана «белорусскими интеллектуалами», лояльными к Российской империи. Они же создали «миф о континуитете между государственностью Полоцкого княжества и ВКЛ» [11, с. 57]. Идеи этих интеллектуалов оказывают влияние и на современных исследователей. В 2002 году сотрудники Института истории НАН Беларуси издали «Историю Беларуси (краткий очерк)», рассчитанную на массового читателя. Цель этого издания состояла в том, чтобы «отразить со строго научных позиций процесс развития белорусской нации с древнейших времен до современности» [12, с. 3].

Отметим, что в исторической науке, на наш взгляд, ученый должен руководствоваться

▼ Зона формирования Полоцкого княжества:
а – ядро территории полоцких кривичей в VI – VIII вв.;
б – зона княжения полочан в VIII – IX вв.;
в, г – княжество Рогволода в X в.
(по О.Н. Левко)

ся, прежде всего, научной аргументацией и доказательностью как результатом научного анализа фактов, событий, явлений, которые, в свою очередь, базируются на избранной теоретико-методологической основе. Любая позиция, в том числе «научная», на которую ссылается ученый, носит зачастую односторонний характер, потому что позиция ориентируется на какую-либо «точку зрения». В данном случае такой точкой зрения выступала национально-государственная концепция истории и исторического образования, разработанная в 1993 году. Она возвестила, что «отражение отечественной истории требует учета принципов, которые обеспечивают научность исследований: деполитизация историографии как главное условие научности, гуманистические, общечеловеческие и национально-государственные ценности как критерий истинности и оценки исторических событий, деятелей, фактов» [13, с. 21].

«Основные принципы концепции ориентировали исследователей и авторов учебных изданий по отечественной истории на осмысление национальных особенностей Беларуси, а также на возрождение исторической памяти исключительно с позиций этнонационального фактора», – писал Н. Сташкевич [14, с. 289]. Очевидно одно – в этой концепции этнонациональный фактор был определен в качестве методологического критерия истинности, обоснованности и убедительности научных работ по истории [15, с. 491]. Цель внедрения национально-государственной концепции в редакции 1993 года в практику исторических исследований состояла в том, чтобы переориентировать историков при объяснении истории с марксистской методологии на многофакторную позитивистскую методологию. И во многом она была достигнута. Например, при подготовке литературы по истории. Поэтому в некоторых изданиях 1994–2011 годов такие государственные образования, как Полоцкое княжество, Великое Княжество Литовское начали характеризоваться белорусскими государствами. В «Истории Беларуси (краткий очерк)» Полоцкое княжество было определено в качестве «крупнейшего древнебелорусского государственного образования» [12, с. 23]. «Именно в Полоцком самостоятельном княжестве-государстве, «земле», имевшем стабильную княжескую династию, видится прообраз бу-

дущей белорусской государственности» [12, с. 5] – говорится в кратком очерке. Здесь же утверждается, что «первый литовский князь, княживший до 1263 года на белорусских землях – Миндовг, объединил под своей властью Новогрудскую землю, часть Полоцкой земли, земли восточной Литвы в единую белорусско-литовскую державу, которая и стала ВКЛ» [12, с. 5].

Схожие характеристики Полоцкого княжества, Великого Княжества Литовского были изложены в коллективной монографии «Гісторыя Беларусі» ў 6 тамах. В томе 2 «Беларусь в период Великого княжества Литовского» определено, что Великое Княжество Литовское «может рассматриваться не только как литовское, но и как белорусское государство, где векторы культурного развития белорусского этноса и государства в целом до конца XVI в. практически совпадали» [16, с. 639]. В томе 6 констатируется, что «основное событие истории Беларуси конца XX века связано с восстановлением белорусской государственности, которая отсутствовала на протяжении нескольких столетий, во время вхождения белорусских земель в состав первой Речи Посполитой и Российской империи» [17, с. 690].

Процитированный материал свидетельствует о том, что в национальной белорусской историографии (с 1991 года) длительное время в вопросе о государстве и государственности не было научной определенности. Поэтому Полоцкое княжество рассматривалось и как исток, и как «будущий прообраз» белорусской государственности. Неопределенность была присуща и характеристикам ВКЛ. Это княжество характеризовалось и как белорусское, и как белорусско-литовское, и как литовско-белорусское государство.

Но наибольшие трудности, даже «замешательство» в умах тех исследователей, кто ориентировался на национально-государственную концепцию в редакции 1993 года, вызывал вопрос: а что же представляли собой Речь Посполитая и Российская империя? Для того чтобы определить Речь Посполитую в качестве белорусского государства, нужны были аргументы, которые бы являлись следствием научного анализа исторических фактов, событий и явлений. Таких фактов, кроме того, что после 1569 года в рамках Речи Посполитой ВКЛ, опираясь на Статуты, прежде всего

Статут 1588 года, сохраняло автономный статус, не было. Ведь в Речи Посполитой правящий класс – шляхетское сословие, благодаря институту привилегий, за редким исключением, было полонизировано. Полонизация сопровождалась социальной деградацией «белорусской» шляхты. Оторвавшись от своего народа, чувствуя его враждебность, магнатория и средняя шляхта встали на путь произвола, политической дезорганизации и неуправляемости. В результате в Речи Посполитой наступил паралич власти, ее охватил хаос, который закончился разделениями государства.

Ситуация с Российской империей, с одной стороны, была простой. Ведь это государство невозможно было назвать никак иначе. Но, с другой стороны, возникал вопрос – а какие организующие и образующие процессы с конца XVIII и до начала XX века проходили в этом государстве, в частности, на территории тех губерний, где проживали белорусы? В классическом варианте к таким процессам историки относили все, что связано с образованием нации, появлением на этой территории общественных организаций и политических партий, которые имели национальную ориентацию. В составе СССР эти процессы историками характеризовались как классово ориентированные, социально-освободительные.

Новая концепция

В контексте сказанного выше возникают вопросы – так что же представляет собой государственность? Существуют ли различия между понятиями «государство» и «государственность»? Если они существуют, то в чем они коренятся? Необходимо отметить, что обозначенные проблемы касаются не только исторической науки. Прежде всего в силу категориальности они носят философско-мировоззренческий характер. Начиная с Конфуция и Аристотеля, было наработано много определений того, что есть государство. Но этого нельзя сказать о государственности. Концепт «государственность» отечественными исследователями долгое время не разрабатывался. Опираясь на принцип историзма, присущий методологии диалектического материализма, в новейших трудах, посвященных истории белорусской государственности, определено, что белорусская государственность как

концепт исторической науки – это «право этнонациональной общности, потенциальная способность и возможность ее национальной элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию» [5, с. 502].

Исходя из этого определения, государство – конкретно-историческое воплощение права, способности и возможности в историческом пространстве и времени. В то же время, государство – не что иное, как совокупность государственно образующих процессов.

На наш взгляд, определение сущностного содержания государственности – важное научное достижение, которым могут воспользоваться правоведы, политологи, представители других социогуманитарных дисциплин.

Перейдем к рассмотрению эволюции и форм белорусской государственности. В коллективной монографии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» подчеркивается, что белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции нашла воплощение в двух формах – исторических и национальных [5, с. 601]. Полоцкая, Туровская и Киевская Русь – это в одинаковой степени первые исторические формы белорусской государственности. Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, куда входили белорусские земли, – вторая историческая форма белорусской государственности. Третьей на белорусских землях была Речь Посполитая. Исторические формы государственности принадлежали не только белорусскому народу, но и другим народам, на территории которых они существовали. Они были полиэтническими [18, с. 7].

В то же время к национальным формам государственности принадлежат те формы, в титулах которых присутствует национальный компонент – «белорусская». К ним относятся: Белорусская Народная Республика, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь. У заинтересованного читателя может возникнуть вопрос – а как же быть с периодом, когда белорусские земли находились в составе Российской империи? Учитывая ограниченность формата журнальной публикации, скажем кратко: в

это время на нашей территории происходили государственно образующие процессы, прежде всего классово-, элитно-, нациообразующие. Они завершились переходом к национальным формам государственности.

Историческое право белорусской этнонациональной общности, будучи нематериальным объектом, одновременно является субстанцией-детерминантой существования и развития общности. Право белорусской народности (нации) воплощалось и воплощается в историческую действительность (процесс) ее национальной элитой. Оно (право) зависит от способности элиты обеспечить его реализацию на протяжении всей жизни общности. Воплощение этого права является атрибутивным свойством народности (нации), с помощью которого можно характеризовать как процесс становления и формирования (завершен или нет, его этапы), так и ступень «зрелости» самой этнонациональной общности. По нашему мнению, конкретно-историческая ситуация – это не что иное, как возможность, которая оказывает влияние как на процесс становления государства, его развития, так и на существование государства и государственности. Право общности и способность ее национальной элиты, как правило, находятся под сильным воздействием конкретно-исторической ситуации.

Само по себе наличие национальной элиты – это еще не гарантия того, что общность сможет реализовать свое право. Если общность не владеет способностью к самоорганизации, не может осмыслить и осознать свое право на самостоятельное историческое существование, то не будет бороться за его реализацию в форме создания или отстаивания собственного государства. В случае, когда национальная элита такой общности не будет способна обеспечить это право, государство может перестать существовать. Например, советский народ имел право на самостоятельное историческое существование, у него была реальная возможность и далее его реализовывать. Но его национальная элита – политическая (правящая партия, правительство СССР), научная и культурная (интеллигенция) – оказалась неспособной обеспечить реализацию этого права, даже несмотря на волю народа, высказанную на мартовском 1991 года всесоюзном референдуме. Поэтому к концу 1991 года советский народ, а вместе с ним и СССР бесславно

прекратили историческое существование. Конечно, в новой конкретно-исторической ситуации, отдаленной, по нашему мнению, не более чем на 15–20 лет, вопрос образования Союза Свободных Суверенных Республик вполне может актуализироваться. Этого нельзя исключить.

Вполне определенная, даже типичная для правивших кругов историческая ситуация сложилась и в последней трети XVIII века, когда национальная элита Речи Посполитой не смогла обеспечить дальнейшее существование своего государства. В результате это государство и его народ также сошли с исторической арены. И в 1917 году национальная элита Российской империи оказалась неспособной обеспечить дальнейшее существование и развитие государства. Поэтому вполне справедливым и обоснованным является утверждение, что объявление независимости и суверенитета любого государства еще не означает автоматического обретения собственной государственности.

Новый, современный этап в развитии белорусской государственности тесно связан с институтом президентства [5, с. 605], который выполняет общесоциальную консолидирующую функцию, выступает организационным началом в объединении национальной элиты с тем, чтобы она (при наличии права и возможности) была способной и смогла обеспечить дальнейшее историческое прогрессирование государственности.

Однако этого недостаточно. Второй силой, способной обеспечить будущее белорусской государственности, является способность белорусской нации (народа) к самоорганизации. Причем политической, в форме диалектического единства народа как источника власти, носителя суверенитета и действующей власти, единства на основе общей исторической цели. Это – источник силы белорусского государства, основа нашего продвижения к сильной и процветающей Беларуси. Заметим, что не следует считать синонимами, путать принцип диалектического единства народа как источника власти, носителя суверенитета и действующей власти с лозунгом их практического политического единения. Первое является основой белорусской модели демократии, а второе – политический транспарант советского периода истории. Поэтому наши оппоненты всеми методами

и средствами, присущими доминантной исключительности: введением санкций, навешиванием ярлыков, финансированием различных форм оппозиционной деятельности и т.п., пытаются разрушить основы современной белорусской государственности. Ничего нового здесь нет. Наш народ это уже «проходил» в 1985–1991 годах. Вывод очевиден – история по-прежнему остается учительницей жизни.

Из изложенного следует, что в коллективном труде «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.» впервые в белорусской историографии разработана новая концепция истории белорусской государственности. И не только белорусской. Она носит универсальный характер.

В качестве ремарки заметим, что в начале 2010-х годов в национальной историографии произошли изменения. С 2012 года

в работах некоторых исследователей вместо «источника» древний Полоцк получил определение «колыбели» белорусской государственности [19, с. 7, 13, 16, 31]. Между терминами «источник» и «колыбель» есть смысловая разница. Согласно «Словарю русского языка», в переносном смысле источник – «то, из чего берется, черпается что-либо; то, что дает начало чему-либо» [20, с. 691], а колыбель в переносном смысле – «место возникновения, зарождения чего-либо» [21, с. 78]. Историческая наука изучает не готовые предметы, а факты, события и явления как результат человеческой деятельности. Поэтому термин «источник» – то, что явилось на определенном отрезке времени результатом, а затем послужило мотивированным началом дальнейшей деятельности этнонационального сообщества, является более точным по отношению к государственности. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Левко, О.Н. Полоцкая земля в государствообразующих процессах Восточной Европы IX–XII вв. / О.Н. Левко // Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навуц. канф. (Палацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі, Палацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.А.Каваленя [і інш.]; навуц. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 22–30.
2. Повесть временных лет // Повести Древней Руси XI–XII века / Сост. Н.В. Понырко; вступит. ст. Д.С. Лихачева. – Л.: Лениздат, 1983. – С. 124–226.
3. Дук, Д.У. Асноўныя дасягненні археалагічнай навукі ў вывучэнні Палацка / Д.У. Дук // Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навуц. канф. (Палацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі, Палацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.А.Каваленя [і інш.]; навуц. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 357–363.
4. Смехович, Н.В. История и метод / Н.В. Смехович. – Минск: РИВШ, 2004. – 287 с.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. – Кн. 2 / М.У. Смяховіч [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 654 с.
6. Фроянов, И.Я. Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII ст. / И.Я. Фроянов. – СПб., 1992. – 280 с.
7. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2-х ч. – Ч. 1 / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.
8. Малиновский, В.И. История белорусской государственности: учеб. пособие для студентов вузов, слушателей системы послеполного образования / В.И. Малиновский. – Минск: Беларусь, 2003. – 199 с.
9. Сосна, У.А. Эвалюцыя беларускай дзяржаўнасці / У.А. Сосна // Основы идеологии белорусского государства: методология и методика преподавания: сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – С. 98–101.
10. Рацько, А.Ф. Вытокі беларускай дзяржаўнасці / А.Ф. Рацько // Основы идеологии белорусского государства: методология и методика преподавания: сб. материалов науч.-практ. конф. / под ред. Я.С. Яскевич. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – С. 95–96.
11. Марзалюк, И.А. Вобраз полацкай дзяржаўнасці ў беларускім гістарычным наратыве XIX – пачатку XX ст. // Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы

- Міжнар. навуц. канф. (Палацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі, Палацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.А.Каваленя [і інш.]; навуц. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 52–61.
12. История Беларуси: краткий очерк / М.О. Бич, Ю.Н. Бохан, Г.Я. Голенченко [и др.]. – Минск: Эксперспектива, 2002. – 205 с.
13. Энциклопедия гісторыі Беларусі: у 6 т. – Т. 3: Гімназіі – Кадэцыі / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1996. – 527 с.
14. Сташкевич, Н.С. О состоянии исторической науки в Беларуси (1990–1995 гг.) / Н.С. Сташкевич // Проблемы методологии исследований истории Беларуси: материалы Междунар. науч. конф. (Минск, 26–27 окт. 2006 г.) / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: А.А. Каваленя [і др.]. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – С. 289–292.
15. Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.) / А.А. Каваленя (рук.) [и др.]; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 628 с.
16. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бохан [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Эксперспектива, 2008. – 688 с.
17. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Эксперспектива, 2011. – 728 с.
18. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. – Кн. 1 / А.А. Каваленя [і інш.]; рэдкал.: А.А. Каваленя, А.А. Яноўскі [і інш.]; Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 584 с.
19. Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навуц. канф. (Палацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навуц Беларусі, Ін-т гісторыі, Палацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.А.Каваленя [і інш.]; навуц. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 639 с.
20. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1985. – 699 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2. – М.: Русский язык, 1986. – 736 с.